

Восемь сотен лет пролетели словно в другой жизни. В тихой комнате, под мерный стрекот ночных цикад за окном, в нее струился весенний лунный свет.

Уван смотрел на нее, и в глубине его глаз таился едва заметный, пристальный взгляд. Наконец он заговорил:

— Как ты докатилась до такой жизни? Если бы от того мальчишки из семьи Сяо не исходило твое дыхание, я бы, пожалуй, не отыскал тебя.

Ши Яо на мгновение задумалась и, подбирая слова, ответила:

— Я, как и ты, стала жертвой гнусных козней подлецов и лишилась как тела, так и души. К счастью, небеса сжалились надо мной, и моя уцелевшая душа нашла приют в этой мэйванской оболочке, позволяя влачить жалкое существование.

Едва замолкнув, она подняла взгляд на Увана:

— Где ты теперь обосновался?

Уван перевел взгляд на глубокую ночную тьму за окном, слегка сдвинул брови и холодно произнес:

— Раз уж я тебя нашел, у меня найдется где приклонить голову, не стоит обо мне беспокоиться. Лучше побольше заботься о себе — погляди на свой вид, ты выглядишь куда жалче меня.

Ши Яо на миг опешила, но через секунду криво усмехнулась:

— Верно, господин демон говорит дело. И раз уж вам нужно идти по делам, ступайте, не буду зря тратить ваше время.

Едва сменив тон, она тотчас добавила:

— Только не забывай, господин демон: восемьсот лет назад тот медвежий демон обижал тебя, и именно я помогла тебе прогнать его.

С этими словами она легла обратно на постель, отвернулась от Увана, запахнула одеяло, закрыла глаза и больше не проронила ни звука, полностью игнорируя собеседника.

Лунный свет по-прежнему лился из-под карниза, уголки полога слегка покачивались, а в старых воспоминаниях восьмисотлетней давности таилась нынешняя горечь.

Уван стоял у кровати, на его плечах лежал обрывок чистого света, а в глазах бушевали невысказанные чувства, но в конце концов он не произнес ни слова.

Цикады за окном пели все тише, весенняя ночь дысила холодом, и комната, разделенная веками времени, казалась то близкой, то далекой в своей неизведанности.

Внезапно блеснул призрачный свет, и фигура Увана бесследно растворилась в воздухе.

Ши Яо с трудом перевернулась на спину, ее взгляд потемнел, и она тихо пробормотала:

— Уван, не вини меня за то, что я надавила на старые чувства, чтобы расшевелить тебя. В моем нынешнем положении мне жизненно необходима твоя помощь.

Спустя восемь веков в ином мире — откуда мне знать, добро ты несешь или зло? В этом мире я больше никому не осмелюсь верить.

Сказав это, она тихо закрыла глаза, ее дыхание выровнялось, и она постепенно погрузилась в сон.

Под кроватью неожиданно качнулся занавес, и оттуда показалась черная голова — это была та самая черная собака.

Она презрительно скривила пасть, погрузившись в раздумья, а ее глаза ярко и пугающе блестели в полумраке. Собака пристально уставилась на спящую Ши Яо, и во взгляде промелькнуло несвойственное ей мягкое выражение.

Кончик хвоста черной собаки легко коснулся пола, из носа вырвался тихий недовольный фырк, в котором слышались то ли обида, то ли вздох, и она бесшумно скрылась обратно, а занавески вновь замерли.

На следующий день около девяти часов утра Цин Хэ принесла кусок кости, чтобы покормить дремлющую во дворе черную собаку.

Услышав шаги, пес открыл глаза, равнодушно взглянул на угощение, опустил голову и отполз в сторону, наотрез отказавшись даже прикоснуться к нему.

Удивленная Цин Хэ вернулась в дом к Ши Яо и рассказала о странности с собакой, которая не захотела есть кость.

Выслушав ее, Ши Яо легко улыбнулась, покачала головой и велела сходить купить свежего мяса — мол, этот пес просто стал привередливым в еде.

Пока они беседовали, тихо звякнули кольца на занавеске, и в комнату вошла Чэн Сужоу.

Не тратя лишних слов, она махнула рукой, приказывая Цин Хэ выйти.

В комнате никого не осталось. Чэн Сужоу достала из узкого рукава парчовую шкатулку из черного дерева, протянула ее Ши Яо и глухим голосом произнесла:

— Я никогда раньше не видела эту вещь. Прошлой ночью, преследуя того старого даоса к югу от города, я заметила, что он хранил этот предмет на алтаре в даосском храме Саньцин.

Мы появились внезапно, и в спешке он не успел забрать его с собой. Позже он вернулся, безумно и отчаянно пытаясь вернуть реликвию. Мои воины долго сражались с ним, и поняв, что силой отнять не удастся, он в отчаянии применил заклинание и скрылся. Не знаю, какая тайна в нем кроется, пусть госпожа Ши взглянет сама.

Ши Яо приняла шкатулку, поддела пальцем крышку и медленно открыла ее.

На подложке из парчи тихо покоилось чуть больше десятка нефритовых пластинок. Всмотревшись повнимательнее, она пересчитала их — их оказалось ровно тринадцать, ни больше ни меньше.

Эти нефритовые бляшки сияли мягким светом, подобно первому зимнему лунному сиянию, в них не было ни малейшей примеси постороннего цвета, а в центре каждой был вырезан едва заметный узор из плывущих облаков, казавшийся живым. На них также были тончайшей вязью выбиты крошечные узоры солнечных дисков и созвездий, прорисованные с поразительной детализацией.

Даже будучи укрытыми в шкатулке, они источали тончайшие струйки успокаивающего и согревающего душу духовного дыхания, которое просачивалось сквозь дерево наружу.

Сердце Ши Яо дрогнуло. Мысленно она отметила, что эти нефритовые бляшки — далеко не простые украшения, а скорее всего, обломки древнего божественного артефакта.

Раздумывая об этом, она коснулась пальцем одной из пластинок, и ее слух уловил едва слышный звук цитры — долгий и певучий, словно доносившийся из глубины веков.

Волна тепла мгновенно разлилась по всем ее меридианам и суставам. Она испытала величайшую радость: перед ней действительно оказались осколки цитры Сихэ Цанъю!

Ши Яо не стала рассказывать Чэн Сужоу об истинном назначении предмета, лишь упомянула, что он принесет ей огромную пользу, и еще раз строго настрого наказала: если в будущем ей снова доведется встретить подобные вещи, она готова заплатить за них любую цену.

Глядя на черные узоры, расплзавшиеся по лицу Ши Яо, Чэн Сужоу на мгновение замялась и осторожно спросила:

— Неужели эти нефритовые пластинки способны вернуть госпоже прежний облик?

Ши Яо не стала вдаваться в подробности, лишь чуть заметно изменилась в лице и медленно кивнула.

Они еще немного поболтали о том о сём, после чего Чэн Сужоу удалилась.

Как только дверь затворилась, Ши Яо прижала ладонь к нефритовым бляшкам, и радость в ее глазах уже было невозможно скрыть.

Дело в том, что цитра Сихэ Цанъю изначально была величайшим сокровищем древнего божественного рода, с которым не могли сравниться никакие обычные магические орудия. Она обладала способностью обращать время вспять, заглядывать в прошлое и будущее и, самое главное, исцелять поврежденные и расколотые души. Для нее сейчас это было поистине спасительное сокровище.

Что же до самих пластинок-эмблем на этой цитре, то они были выточены вовсе не из простого камня, а из десяти тысячелетне-теплого нефрита, который древнее божество Сихэ добыл на самой вершине горы Цанъю.

Ходили слухи, что эта цитра была разбита вдребезги во время грандиозной битвы богов и демонов, гремевшей десятки тысяч лет назад, и ее осколки разлетелись по трем мирам, затерявшись в неизвестности. Кто бы мог подумать, что часть из них окажется здесь.

В раздумьях Ши Яо прикусила кончик пальца и уронила несколько капель алой крови на тринадцать нефритовых пластинок.

Вырезанные на них узоры солнца, луны и звезд мгновенно ярко засияли, и несколько нитей чистого света обвились вокруг ее пальца, проникая сквозь все меридианы прямо в Даньтянь, где вступили в резонанс с ее поврежденной душой.

Ши Яо тут же почувствовала, как колющая боль в глубине души резко утихла. Она крепко сжала шкатулку, не в силах сдержать дикую радость: небеса милостивы, с этим божественным артефактом мое израненное тело и душа наконец-то спасены!

Велев Цин Хэ караулить снаружи и ни под каким предлогом не пускать никого внутрь, Ши Яо осталась одна в комнате, чтобы погрузиться в медитацию.

Так прошел весь день в тишине, и незаметно наступил вечер.

Цин Хэ тихо постучала в дверь, принесла ужин, поставила его на прикроватный столик, почтительно поклонилась и бесшумно удалилась.

Ночь становилась все гуще, погружая все вокруг в непроглядную черноту, а Ши Яо была полностью поглощена культивацией и совершенно потеряла счет времени.

Неизвестно, сколько прошло часов, но воздух вокруг вдруг резко сгустился, в нем появились странные колебания, и из ниоткуда возникла человеческая фигура. Вокруг нее клубилась черная дымка, а ледящий душу холод пробирал до самых костей.

Ши Яо резко встрепенулась, прервала практику, открыла глаза и внимательно всмотрелась в гостя. На нем была высокая белоснежная шапка и простые белые чиновничьи одежды — перед ней стоял не кто иной, как Белый Неотвратимый Дух Се Биань.

Се Биань с ног до головы окинул ее оценивающим взглядом и, заметив на ее душе зловещую багровую печать, помрачнел. Его лицо тут же осунулось, и он глухим голосом спросил:

— Кто тебя покалечил? Когда Сяо Лю вернулся и доложил, что твоя душа повреждена, старейшины рода сначала ни за что не хотели этому верить, говоря, что твой Светильник Души все еще ярко горит, а значит, такого быть не может.

Потом Сяо Лю обмолвился, что какой-то зловещий практик тайком применил запретные чары и подделал Книгу Жизни и Смерти. Я не на шутку встревожился и тайком сбежал из Преисподней, чтобы лично во всем разобраться.

Глаза Ши Яо блеснули, она понизила голос и произнесла:

— Благодарю дядю за беспокойство. Я угодила в эту ловушку из-за козней подлых негодяев. Если тот человек станет расспрашивать людей старейшин о происхождении, прошу вас, убедите старейшин пока притвориться, будто ничего не случилось. Эту кровную месть я свершу сама.

В этот момент в ее взгляде промелькнула безжалостная жестокость, а в глубине глаз залегла тяжелая, несмываемая ненависть.

Се Биань слегка нахмурился и тяжело вздохнул:

— Сяо Цзю, зачем же тебе так упорствовать. У методов того человека слишком много странностей и изворотов, так что будь осторожна во всем и ни в коем случае не действуй опрометчиво.